

*М. ЛОНДАРСКОЙ,
рабочий Путиловского завода*

ВСТРЕЧИ С В. И. ЛЕНИНЫМ

Мне, путиловскому рабочему и красногвардейцу, выпало счастье трижды видеть Владимира Ильича и разговаривать с ним. Это было в боевые дни октября и ноября 1917 года. В то время я был сотником красногвардейской путиловской дружины (4-я сотня).

С 23 на 24 октября дружина была на казарменном положении. 24-го вечером мы получили задание занять Балтийский вокзал, после чего оказать помощь, если будет нужно, при взятии телеграфа и почтамта. Выполнив это задание, мы направились утром 25-го по Миллионной улице и заняли позицию под аркой штаба — напротив главного подъезда Зимнего дворца. Наличие на Дворцовой площади дров позволило ударницам Бочкаревой и юнкерам забаррикадироваться, что задержало наступление Красной гвардии, матросов и солдат. Весь день продолжался бой. Около одиннадцати часов вечера, после выстрела «Авроры», пошли на штурм. Пробравшись через главный подъезд в здание, красногвардейцы, опрокидывая засевших юнкеров, пробились на второй этаж, где находилось Временное правительство. В третьем часу ночи министры Керенского были арестованы.

По указанию Подвойского и Войцеховского, я с 4-й сотней был направлен в Смольный, где в это время заседал II съезд Советов.

Мы расположились на площадке второго этажа вместе с матросами. Вестибюль и площадка первого этажа тоже

были заняты вооруженными красногвардейцами, матросами и солдатами. Отдыхая, мы вместе с матросами пили кипяток и делились продуктами. При этом шел оживленный разговор о событиях этих дней. Часа через два мы получили распоряжение сменить на постах красногвардейцев команды Еремеева, наших же путиловцев. У кабинетов В. И. Ленина, Свердлова были выставлены посты в три человека, в том числе по одному связному. Оставшаяся часть сотни продолжала отдыхать вместе с матросами.

Уже утром из зала заседаний ВЦИК мимо нас проходили Владимир Ильич, Свердлов, Дзержинский и другие члены Военно-революционного комитета. Везде было тесно от людей. Когда они проходили мимо нас, несколько человек встали, давая дорогу. Владимир Ильич торопливо сказал:

— Сидите-сидите, — и остановился около нас. Он стал задавать вопросы — из каких мы частей, какова их численность, откуда прибыли, каково настроение, готовы ли продолжать борьбу за Советскую власть.

Красногвардейцы и матросы, не зная, кто перед ними, отвечали очень свободно, шутками. Уверенные ответы рабочих и матросов очень понравились Ленину. Обращаясь к своим спутникам, он сказал:

— Вы только поймите, товарищи, ведь эти ответы — голос народа. И разве могли мы с таким народом плестись в хвосте меньшевиков и эсеров?

После того как Владимир Ильич ушел к себе, бойцы спросили:

— Кто это разговаривал с нами?

Я говорю:

— Ленин.

— Как Ленин? Неужели самый настоящий Ленин?

Один солдат даже шапку о пол бросил с досады, а матрос в бушлате, с пулеметными лентами на груди, ударяя себя в грудь кулаком, воскликнул:

— Братишки, какой позор мы допустили, не узнали самого Ленина!

Надо сказать, что в представлении очень многих рабочих, солдат и матросов внешний облик Ленина расходился с их пониманием вождя революции. Понимая величие Ленина как вождя, его чаще всего представляли большим и важным. А он оказывался внешне обыкновенным

человеком, и к тому же очень простым. На этой почве вышел казус и с моими караульными. Когда я их поставил к комнате Ленина, его там не было. И вот не прошло много времени, как Подвойскому сообщили, что Ильич очень стесненно себя чувствует с охраной, потому что бойцы, не зная его в лицо, спрашивали, кто он и к кому идет. Подвойский тут же дал мне полный инструктаж. При этом он особо подчеркнул роль связного, который обязан был вызывать к Ленину кого ему нужно. До этого Владимир Ильич сам ходил к тем, кто ему требовался. После того как проинструктировал красногвардейцев, Подвойский вызвал меня и повел к Ленину. Когда мы вошли, Владимир Ильич быстро встал из-за стола и протянул мне руку. И. И. Подвойский представил меня Ильичу:

— Сотник дружины, путиловец.

Владимир Ильич сразу же стал меня расспрашивать о настроении рабочих, о потерях во время боя и в каких местах, о готовности для окончательной победы. Зная настроение красногвардейцев и их энтузиазм, я ответил:

— Все задания командира дружины Войцеховского мы выполнили. После взятия Зимнего прибыли для охраны Смольного. Боевая дружина, как и все рабочие завода, готова выполнить любое ваше задание!

Видя мою смущенность, Владимир Ильич, слегка прищурившись, шутливо заметил Подвойскому:

— Как вам нравится традиционная скромность путиловцев? Выполнили задание — и ни слова о трудностях, о потерях. Правда, времени у нас в обрез, а всё же замечательные кадры — путиловцы.

После прихода к Ленину двоих членов Военно-революционного комитета я вышел.

29 октября восстали юнкерские училища. Нашей сотне, считавшейся в резерве, было приказано с санитарным отрядом и рабочими взять Владимирское и Павловское юнкерские училища, расположенные на Петроградской стороне. К моменту нашего прихода Владимирское училище окружали со стороны Спасской улицы красногвардейцы Петроградской стороны. Подход с Малого проспекта по бульвару был невозможен, так как юнкера заняли чердаки прилегающих домов и установили там пулеметы. Мы, разбившись на группы, решили вести наступление короткими перебежками под прикрытием

своего огня. Однако от этого пришлось отказаться ввиду больших потерь. Юнкера, кроме того, применяли провокации, что увеличивало количество жертв со стороны красногвардейцев, проявлявших отвагу и энтузиазм. Около часу дня я дал задание прикатить на себе орудия для обстрела юнкеров, располагавших большим количеством боеприпасов. Стали стрелять прямой наводкой из переулка в стену. После первого выстрела юнкера выбросили белый флаг, но бойцы, бросившиеся к зданию, были прижаты к земле пулеметным огнем. Мы повторили залпы, затем пошли на штурм, в результате которого юнкера были разбиты и взяты. Направили раненых в госпиталь и больницы, убрали убитых, юнкеров отправили в Петропавловскую крепость. Когда обедали продуктами юнкеров, прибыл комендант по охране зданий Зегес, который сделал мне выговор за порчу здания. Красногвардейцы были очень возмущены, так как наше решение стрелять из орудий по зданию было продиктовано единственным желанием избежать лишних человеческих жертв.

Во второй части дня мы помогли занять Инженерный замок и Михайловское артиллерийское училище. Придя на завод ночью, мы получили задание Совета и командира дружины разоружить казаков, занимавших дачу Шереметева. Позже совместно с другими отрядами путиловцев участвовали под Пулковом в боях против конного корпуса генерала Краснова.

После возвращения из-под Пулкова наша сотня снова была направлена на охрану Смольного. Однажды, находясь в комнате Военно-революционного комитета, я рассказывал тов. Н. А. Подвойской о боевых операциях сотни. В это время вошли Владимир Ильич и Подвойский. Последний вновь назвал меня по должности. Ильич обратился ко мне с вопросами, которые касались операций последних дней против юнкеров и казаков. Я коротко ответил, что юнкера очень стойко держались, используя преимущество огневых средств и провокации, что вынудило меня применить артиллерийский обстрел здания. Под Пулковом мы использовали вместо огневых средств агитацию, давшую положительный результат. Рассказал я и о выговоре, полученном мною за обстрел здания.

Ильич положил руку мне на плечо и сказал:

— Правильное решение было принято и только так следует поступать с врагами революции. Никакое здание несравнимо с потерей революционного бойца. А что касается выговора, то Советская власть его отменит.

Последующая беседа касалась сохранения личного состава Красной гвардии, укрепления сознательной дисциплины бойцов, а также разгадывания интриг контр-революционеров.

В первых числах ноября 1917 года, по указанию Владимира Ильича, в актовом зале Смольного было собрано совещание всех начальников Красной гвардии по текущему моменту и о задачах командиров отрядов, отправляющихся на фронт. Вопрос коснулся бронепоезда-2, изготовленного путиловцами по указанию Ильича. Бронепоезд должен был пойти на помощь Красной гвардии Москвы и после этого последовать на Харьков. По пути следования бронепоезда нужно было оказывать помощь на местах в организации Советской власти. И вот я был вызван Лениным к трибуне для ответа, готов ли к выполнению заданий на бронепоезде-2. Поднявшись на трибуну, я, не уверенный в своих силах, опыте и знании, сказал:

— Сотня и я готовы к выполнению любых заданий, но вот быть помощником командира поезда, начальником десанта и полевым комендантом с организацией на местах райкомов, ЧК и ячеек партии я боюсь, что не справлюсь, и прошу эту обязанность поручить другому.

Владимир Ильич подумал и обратился к собранию:

— Как вы, товарищи, считаете, уважительная причина у товарища Лондарского?

Все молчат. Стою молчу и я. Не дожидаясь ответа, Ленин быстро говорит:

— У меня есть такое предложение. Поскольку тридцатитысячный коллектив путиловцев выбрал товарища в военный отдел, оказал ему доверие, мы с этим не можем не считаться. Но если он боится, что не оправдает это доверие, то пошлем его начальником охраны, ну, скажем, завода «Треугольник» или еще куда. Люди и там нужны.

Безобидное предложение Ильича отрезвило меня. Я дал слово выполнить любое задание. После совещания я попросил Владимира Ильича разъяснить мне ряд вопросов. Вместо прямого ответа на них, он спросил меня:

— А как бы вы поступили без моего разъяснения?

— Я бы обсудил этот вопрос на собрании команды, а потом осуществил.

— Ну вот и правильное решение нашли. Самое главное — не отрываться от народа.

Эта короткая беседа с Владимиром Ильичем, нашим дорогим учителем, служила мне руководством не только во время поездки на бронепоезде, но и во всей жизни.

